

В.В. КРЮКОВ. *Сумма аксиологии: монография*. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. 207 с.

Сегодня специалисту, исследующему истоки отдельных направлений, проблем и предметных областей философской мысли, порой трудно принять как факт, что некоторые философские дисциплины, считающиеся исконно классическими и уходящими в глубокое прошлое, являются столь же молодыми, как и некоторые отрасли научного знания. Так обстоит дело с аксиологией. Возросший интерес к ней не случаен. Время, которое мы переживаем — это время интенсивных духовных исканий, поиска путей разрешения социальных противоречий, обретения смысла жизни человеком и смысла существования общества.

Обосновывая значимость и важность аксиологической проблематики для дальнейшего развития человечества, американский философ и футуролог Э. Тоффлер писал, что будущее человечества будет зависеть от того, насколько ясно мы поймем и сумеем предсказать изменения в целостной архитектонике ценностей, которые регулируют человеческое поведение. Сейчас наше знание этой невидимой архитектоники и того, как она меняется, крайне примитивно. Что вообще представляет собой ценность или «система ценностей»? Как соотносятся ценности друг с другом? Какие конфигурации образуют? Как они меняются? Рассмотрение этих вопросов В.В. Крюков предлагает читателю как проблемное поле своей книги.

Автор замечает, что *аксиология* — одна из самых молодых дисциплин в философии. Как самостоятельное философское знание она сформировалась в конце XIX в., однако проблемы, связанные с различными видами ценностей, берут свое начало с вопроса, поставленного ещё Сократом: *что есть благо?*

Истоки проблематики ценностей, полагает автор, нужно искать в Античности — уже древнегреческая философия по своему содержанию необычайно аксиологична. В книге рассматривается ряд оснований зародившейся в ту эпоху аксиологической проблематики. Кроме питавшей ее мифологии, которая выражала ценностное представление о мире, ценностным началом была проникнута *космологическая* философия Пифагора и Гераклита. Даже само слово *космос* у древних греков означало не только *порядок*, но и *красоту*.

Философия следующего периода, начиная с Сократа, была *антропологической*, и как таковая, судила о принципах и критериях ценностного

отношения к миру, о различных видах оценочных понятий, их координации и субординации. При этом ее основной проблемой оставалась проблема отношения человека к миру и мира к человеку, места человека в мире. Платон, впервые в философии поставивший проблему сущности красоты в отличие от ее проявлений, не отделяет прекрасное от доброго, благого и истинного.

Аристотель полагал, что полезное — это то, что нужно человеку, то есть благо для себя; прекрасное же есть безотносительное благо. По мнению Демокрита, в человеке есть путеводитель, который позволяет ему отличать добро от зла, прекрасное от безобразного. Этот путеводитель — способность человека испытывать наслаждение и страдание. Добро, справедливость, красота рассматриваются у древних греков как проявления естественного порядка вещей. Природа — закон всему, в ней и только в ней следует искать происхождение, основания и критерии всяких человеческих отношений.

В главе «Фразеология теории ценностей» В.В. Крюков анализирует основные версии аксиологии в философии современного периода. Во-первых, это *натуралистический психологизм* А. Мейнонга, Р.Б. Перри, Дж. Дьюи и К.И. Льюиса. Ценность для них есть своего рода «третичное качество», еще более отдаленное от объективности первичных качеств (фигура, очертание предметов), чем вторичное качество (например, цвет). Во-вторых, *аксиологический трансцендентализм*, истоки которого в философии И. Канта. Неокантианское понимание ценностей изложено в работах В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Оба они исходили из учения Канта, в представлении которого главная задача философии заключается в критическом исследовании правомерности притязаний человеческих суждений, в том числе моральных, на всеобщность и необходимость. Ценности — это не *сущее*, а *должное*, а оно остается вечной загадкой, чудом, которое выше нашего разумения.

Особо следует отметить, по мнению автора книги, *персоналистический онтологизм*. Его творец М. Шелер считал ценности объективными существующими, эмоционально окрашенными *фактами*. Однако шелеровские факты — это не идеи, а метафизическая, оторванная от человека эмоциональность: полнота идеалов и ценностей находится в божественном начале, заложенном в основании вещей, но сам человек — это единственное место становления бога,

отсюда и название учения М. Шелера — этический персонализм. Другой вариант обоснования надличностного и надприродного существования мира ценностей представлен в философии неотомизма, в работах Ж. Маритена, Л. де Реймекера, Э. Жильсона. Этой концепции присущ спиритуализм, утверждение о существовании «сверхчеловеческого логоса».

М. Вебером, Дж. Дьюи, Ф. Знанецки, Э. Дюркгеймом, как показано в книге, разработана *социологическая концепция ценностей*. Вебер был склонен трактовать ценность как установку той или иной исторической эпохи, как свойственное эпохе направление интереса, а Дюркгейм понимал ценности как порождение социальной сознательности. В этой версии ценности суть коллективные переживания, имеющие не персональный, а массовый характер.

Культурно- исторический релятивизм как новая традиция в понимании природы ценностей был представлен В. Дильтеем, П. Сорокиным, А. Тойнби и О. Шпенглером. Согласно этому подходу, ценность понимается как основа существования и функционирования всякой культуры. Ценности, и прежде всего, духовные, сосредоточены в людях, они то и составляют основу человеческого достоинства. Миру ценностей наряду с духовными принадлежат также социальные, нравственные, эстетические, интеллектуальные ценности. Борьба человека за обретение и утверждение мира ценностей и есть, по сути дела, процесс *реализации смысла* в истории.

Автор отмечает, что первые попытки построения теории ценностей в России предпринимали еще А. Луначарский и Н. Лосский. Во второй половине прошлого столетия заметный вклад в отечественную аксиологию внесли О. Дробницкий, М. Каган, И. Кон и др. Работу продолжили В. Сагатовский, М. Туровский, Ленинградская школа В. Ядова, Н. Розов в Новосибирске. В.В.Крюков приходит к выводу, что общим мотивом российских исследователей является понимание ценностей как элементов социальной психологии, которые наряду с рациональными *идеями* формируют мир чувственных *идеалов*, достраивая мир сущего до желаемого мира должного, от экзистенциального *понимания* до виртуального *полагания* и, тем самым, *человеческого измерения* вещей.

В главе «Онтология ценностей» автор выстраивает такой концепт философии культуры, в рамках которого используются понятия социальной системы, культуры как сущности социума, ноосферы как способа жизнедеятельности социума и цивилизации как этапа в его развитии. Главная мысль этих построений состоит в том, что социальная системе присущ искусственный — культурный — способ существования, сутью которого является *возделывание* (как

изначально трактовал слово *культура* Тит Порций Катон в поэтическом трактате «О земледелии»). Человек обрабатывает вещество и энергию природы, превращая их в часть самого себя и формируя собственную среду обитания — техногенный мир цивилизации.

Раскрывая далее понимание ценностей как элементов культуры, автор рассматривает их в экзистенциальном и эссенциальном (сущностном) аспектах. В экзистенциальном аспекте ценностное сознание имеет эмоциональную природу, и поэтому оно бинарно: «да — нет», «хорошо — плохо», «добро — зло». Однако ценности имеют не личностный, а общественный характер, являются компонентами общественной психологии, и поэтому в социальной онтологии они суть *социальные эмоции*, то есть переживания, приобретающие общественный характер.

В *эссенциальном* аспекте интерпретации ценностей В.В. Крюков формулирует *принцип социального эгоцентризма*: я (человек) ценю что-либо другое потому, что в этом другом вижу самого себя, а к самому себе я не могу оставаться равнодушным. Все остальное в социуме есть я сам в превращенной форме продукта моей деятельности, результата моих усилий, а, следовательно, это я сам во внешней — опредмеченной, овеществленной форме.

Превращения своего в чужое и чужого в свое автор представляет в виде *цикла общения*. Он полагает, что имеет место процесс последовательных стадий объективации содержания субъекта, а именно: от идеи к ее экстерииоризации, затем к опредмечиванию этой идеи, далее к ее отчуждению и, наконец, к вещи как воплощению идеи, собственно ее существованию во плоти. Но этот процесс, подчеркивает автор, имеет и обратный порядок в случае привнесения внешнего содержания во внутренний мир субъекта: от вещи к ее освоению, затем к распредмечиванию вещественности, далее к интериоризации смысла и в итоге к идее. Как наглядный пример можно привести написание книги и прочтение чужой книги. Чужую книгу я приобретаю, читаю, проникаюсь смыслом текста и дополняя новыми контекстами. Иначе говоря, в идее интериоризованное общение с текстом персонифицируется, то есть приобретает личную, интимную, глубоко внутреннюю модальность.

Глава «Типология ценностей» является, пожалуй, центральной в монографии. Автор принял попытку дать оригинальную типологию ценностей, соединяя их философскую трактовку с представлением их как элементов социальной структуры. Он по-новому формулирует принципы измерения ценностей и выстраивания ценностных иерархий, а также показывает специфику ценностно-ориентационной деятельности.

Типология ценностей, по мысли В.В. Крюкова, образует форму «социального квадрата», сторонами которого выступают люди, вещи, знаки и институты.

Люди — это разумные существа, которые становятся таковыми в силу освоения ими вещей в результате практической деятельности. Люди сами являются продуктами труда других людей, а поскольку воспитание человеческой личности требует огромных затрат времени и сил большого количества людей, то человек есть самый трудоемкий продукт и поэтому он — самая большая ценность, тип которой называют *персонифицированными* ценностями.

Вещи — это искусственные предметы, созданные людьми в результате обработки природного материала. Люди приобретают человеческое качество исключительно в силу освоения вещей, а вещи приобретают искусственное качество исключительно в силу создания и освоения их человеком. Поскольку человек ничего не делает «просто так», а все его действия имеют вполне определенный смысл — цель как идею будущего продукта труда, то искусственные вещи в отличие от фрагментов природы информативны, поскольку в них незримо (имплицитно и виртуально) присутствует сам человек. В силу того, что вещи предназначены для удовлетворения наших материальных потребностей, т. е. потребностей в веществе и энергии, они образуют особенный тип ценностей — *утилитарные* ценности.

Люди и вещи суть первичные элементы социума. Вместе с тем на основе первичных элементов возникают вторичные элементы социума, или же превращенные формы людей и вещей. В качестве таковых, по мнению В.В.Крюкова, выступают институты и знаки. *Институты* суть организационные формы общественной жизни, совокупности социальных ролей как матриц человеческого поведения, где эти роли представлены как превращенные, т. е. преобразованные во вторичный продукт люди. *Знаки* — это репрезентанты вещей. Когда мы показываем кому-нибудь не саму вещь, а то, что ее заменяет и представляет, мы используем знак. В науке о знаках, семиотике, есть базовое определение: знак есть вещь, которая замещает собой другую вещь. Исходным в происхождении знаков, подчеркивает автор, является *автосемиотическое* отношение, а именно: всякая вещь является знаком самой себя. Знаки изобретают тогда, когда автосемиотическое отношение трудно или вообще невозможно реализовать. Тогда люди создают новые вещи, единственное предназначение которых — представлять, репрезентировать вещи первого рода, которые мы не можем иметь как таковые, но о которых мы получаем возможность знать, т. е. иметь о них представление. Соотнеся первые со вторыми, мы сможем понимать, о чем идет речь.

Ценности можно сравнивать друг с другом, но единиц измерения, настаивает автор, не существует. Хотя мы постоянно занимаемся субординацией ценностей, выстраиваем их иерархии, — все такие иерархии несовместимы. Вместе с тем автор убежден, что прямая зависимость ранга ценности, ее значимости в имеющейся иерархии, ее места в субординации благ характерна для первичных элементов социума — людей и вещей, и она определяется *мерой затрат на их производство*. Тогда как обратная зависимость имеет место быть для вторичных элементов социума, превращенных форм людей — социальных ролей в составе институтов, и превращенных форм вещей — знаков и образов в виде идей и идеалов, и она определяется *мерой затрат на их потребление*.

В главе «Феноменология ценностей» В.В. Крюков последовательно рассматривает утилитарные, идеологические, институциональные и персонифицированные ценности. Особо выделены вечные ценности: вера, надежда, любовь; истина, добро и красота; а также «мать» их — София.

Анализируя специфику *утилитарных ценностей*, автор предлагает оригинальную версию понимания отношений по поводу вещей. В отличие от классиков политической экономии, измерявших эти отношения вещами, В.В. Крюков предлагает измерять эти отношения способами соединения людей по поводу вещей. Первична здесь иерархия социальных субъектов: индивида, группы, коллектива, массы, народа. От уровня обобществления труда зависит способ распределения сообра производственного продукта. В итоге автор приходит к формулировке *закона собственности: форма индивидуализации общественного продукта определяется уровнем обобществления труда, который, в свою очередь, прямо пропорционально зависит от величины ресурсоемкости производимого продукта*.

Идеологические ценности интерпретируются автором исключительно как духовные, с чем можно и не согласиться. Но В.В.Крюков аргументирует свою позицию следующим образом. Во всех языках слово «духовное» производно от глагола «дышать». Это не только русское «дух», но и латинское «spiritus» от «spiro» — дышу. Отсюда и современные европейские варианты вроде английского «spirit» — душа или французского «esprit». И это не случайно. Суть дела в том, что с дыханием связан процесс коммуникации людей, поскольку главным и наиболее употребительным средством общения является разговорный язык, звуковая речь, модулированное дыхание. В предложенном контексте автор рассматривает феномены языков как систем коммуникации, виртуальную реальность как новое искусственное пространство общения, а само общение как субстанцию личности в сугубо социальном понимании, в котором каждый человек есть модус социума.

Интересна даваемая автором характеристика последствий общественного производства в политической сфере, где формируются общественные институты и образуются социальные роли как *институциональные ценности*. В силу того, что социальная роль есть вторичная и превращенная форма личности, она репрезентирует одну, несколько или множество личностей. Явление репрезентации диалектически сопровождается своей обратной стороной — персонификацией социальной роли. Исполнитель той иной социальной роли, занимая какую-нибудь должность, не только вольно, но и по необходимости отождествляет себя и свое социальное положение. Поэтому, полагает автор, главной ценностью в политике является власть, а важнейшим элементом системы политических отношений в обществе является *государство*.

Относительно предназначения *ценностных иерархий* автор высказывает предположение, что на более высокий уровень социальных субъектов должны выводиться только те ценности, которые не могут быть созданы или освоены данным субъектом без взаимодействия с другими субъектами. Все, с чем субъект в состоянии справиться сам, он не обязан делегировать в интегрированные формы, а если такого делегирования потребуют — должен расценивать это как насилие.

Что касается *персонифицированных ценностей*, автор раскрывает деятельный смысл таких понятий, как личность, творчество, оригинальность и притягательность, обаяние, смысл жизни и достоинство смерти человека.

Завершая характеристику рецензируемой монографии, отметим следующее. Разумеется, предложенная автором типология ценностей не охватывает всего их многообразия. В.В.Крюков не затрагивает функционального аспекта феномена ценностей, которые выступают как символические регуляторы социальных взаимодействий. Их экзистенциальное предназначение состоит в том, что ценности — это особые

смыслы жизни человека, желаемые ожидания такого будущего, ради которого стоит преодолевать все невзгоды жизни. Будучи жизненными ориентирами, ценности конкретны для индивида, структурированы его деятельностью и основаны на целеполагании. Они предстают в повседневных практиках как стремление обрести благосостояние, власть, престиж, обладать моральными и аффективными ценностями. Однако переход к специальному анализу конкретного и деятельностного сторон феномена ценностей означал бы выход автором за пределы его вполне завершенного философского проекта. Особо подчеркну ясность изложения авторской позиции, насыщенность текста оригинальными суждениями и выводами. Но главное — в области аксиологии автором сформулирован принцип социального эгоцентризма и представлена оригинальная концепция и типология ценностей. Все это делает монографию привлекательной как для широкого круга, как профессионалов, так и для испытывающих потребность в постоянном знакомстве с философскими текстами, содержащими свежие мысли.

В.И. Игнатьев
(Новосибирск)

Игнатьев Владимир Игоревич — Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, 630073, пр-т К.Маркса, д. 20.

Доктор философских наук, профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета.

ighnatiev.v@inbox.ru

Ignatyev Vladimir I. — Novosibirsk State Technical University, 20, Prospekt K. Marksa, Novosibirsk, 630073, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Mass Communications of Novosibirsk State Technical University.

DOI: 10.31857/S004287440004820-7